

Глеб Иванович Успенский

Не случись

Глеб Успенский

Не случись

«Public Domain»

1882

Успенский Г. И.

Не случись / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1882

«...Рассказ ярко изображает различные стороны хозяйственного и морального разложения пореформенной деревни, беззащитность крестьянина перед лицом капиталистического развития и порождаемых им влияний. Описанное в первой половине рассказа дело Ивана Горюнова слушалось в Вологодском городском суде 24 сентября 1882 года. Как свидетельствуют воспоминания поэта В. Г. Гусева, Успенский лично присутствовал в суде во время слушания дела Горюнова, беседовал о нем с Гусевым, выступавшим в качестве свидетеля по этому делу, и принимал живое участие в судьбе подсудимого...»

© Успенский Г. И., 1882

© Public Domain, 1882

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Глеб Иванович Успенский

Не случись

Недавно в газетах был напечатан небольшой, но в высшей степени замечательный уголовный процесс. Слушался он в вологодском окружном суде и состоит в следующем. Более двух лет тому назад, именно около Петрова дня 1880 года, железнодорожный сторож нашел в реке Шаграш, около моста Ярославско-Вологодской линии, джутовый мешок, в котором, по вскрытии, оказался труп убитого человека, разложившийся до такой степени, что только по одежде можно было догадаться, что убитый – мужчина. Открытие этого трупа напомнило (не знаем, властям или обществу) о загадочном исчезновении несколько месяцев тому назад одного из посетителей гостиницы «Вологда», пользующейся весьма сомнительной репутацией. Началось следствие, которое через несколько времени открыло виновного. Убийцей оказался коридорный или половой гостиницы «Вологда», крестьянин Иван Васильев Горюнов, и вот какое поразительное и потрясающее показание дал этот Иван Горюнов на суде:

«Года за два раньше, как я убил Крамского (фамилия убитого), к нам в гостиницу «Вологда» приезжал какой-то господин, повидимому купец. Жил он у нас в гостинице дня четыре и больно сильно кутил, пьянствовал. Когда этот господин уезжал, он подарил мне золотые часы с цепочкой и сказал: «Спасибо тебе, что ты сберег меня, – всё в целости; у меня, говорит, было девяносто три тысячи рублей». Потом гость этот попросил проводить его на вокзал; я проводил, и тут он еще дал мне двадцать пять рублей и еще три рубля. Пришел я домой и показал буфетчику и хозяину часы, что мне подарил гость. Хозяин спросил: «За что ж он подарил?» – «За то, мол, что у него девяносто три тысячи с собой было, и все остались в целости». – «Эх ты, – говорит хозяин, – не умеешь деньги наживать! Так будешь делать – и помрешь бедняком...» Потом хозяин говорит, чтоб я заманивал гостей, обещая им продавать какие-то банковые билеты с большой уступкой... Зимой 1880 года к нам в номера приехал какой-то господин с девушкой... Выпивали они тут. На другой день, часов в девять, девушка ушла, а господин остались одни. Стали рассчитываться и дали мне сторублевую бумажку. Ну, я пошел в буфет, увидел там хозяина и говорю: «Господин, должно быть, богатый – всё сторублевки». Хозяин сказал: «Погоди-ка носить сдачу, я взгляну сначала, что за господин такой». Вернулся он и говорит: «Это человек мне знакомый, денежный человек». – «Как же тут быть?» спрашиваю. «Сам, говорит, знаешь – не малолеток... Река все унесет». – «Страшно, говорю, как-то...» – «А ты выпей стакана два водки – страх-то как рукой снимет... А чтоб свидетелей лишних не было, мальчишку-то в полицию пошли за паспортной книгой...» Сказал это, а сам ушел в другую свою гостиницу, «Россию», через дорогу. Выпил я водки, послал подручного Николая в полицию и понес сдачу в третий номер. Господин лежал на постели, опершись на локотки, и выпивали... Стол около кровати стоял с бутылками... Тут же лежал молоток, который я принес накануне, чтобы вбить задвижку, как господин приказали... Я взял молоток и ударил господина по голове раз и два... Как ударил – спереди или сзади – хорошенько не помню. Вытащил деньги из кармана брюк и, не считая, сунул их себе в карман. Вытащил покойника в четвертый номер, а сам стал прибирать в третьем. Окровавленную простыню и наволочку засунул в печь и сжег. Обои около кровати оборвал, пол подтер, а пятна на матрасе и подушке слегка замыл водой. Потом вернулся к покойнику, перетащил его через пятый номер в чуланчик, который был рядом, и спрятал его в рундук под лестницей, отодрав для этого плинтус. В это время, слышу, вернулся Николай. Я пошел к нему навстречу и велел прибрать в номере третьем. Он после спрашивал: «Что это вода в тазу кровавая и на полу кровь?» – «Это, говорю, гость не расплатился с девицей, она ему и раскровянила морду», – «Как же, говорит, он ушел в таком виде?» – «Умылся, говорю, да и ушел...» Ну, он и поверил. Часа через два после убийства пришел хозяин. Я ему и подал все деньги, не считая. «Мало, говорю, денег-

то». – «Врешь, говорит, не может быть столько, ты утаил». Я побожился. Он взял все деньги, а мне дал немного мелочи... На другой день начались розыски покойника. В гостиницу приезжала его родственница с знакомым, ходила полиция... Мы ответили, что гость расплатился и уехал неизвестно куда. *Так как околоточный пьет у нас всегда водку и все такое*, то номера осматривать он *постыдился*. Тут меня взял страх, тоска напала... Я все ходил в рундук, смотрел, лежит ли там покойник, иногда сидел там и плакал... Хотел идти дать знать полиции; сказал об этом хозяину, а он говорит: «Дурак и будешь – ни за грош пропадешь. Меня все равно не оговоришь – не поверят; я и в гостинице-то в это время не был». Ну я и не пошел. После рождества отпросился я у хозяина домой в деревню, взял у него денег и уехал, захватив шубу покойника, которую раньше спрятал... И в деревне тосковал, но родным об этом ничего не говорил. Приехал опять в город к хозяину. Перед пасхой сукровица проникла через потолок, пошел по номерам скверный дух. Меня все пуще стала тоска забирать, и я все чаще стал ходить к покойнику, смотреть на него. Потом перетащил его из рундука в другой угол чуланчика и положил под рамы. Дух все сильнее по номерам расходится... Гости стали жаловаться. Я все собирался вывезти, да все случая не было, а хозяин не помогает и тоже говорит: «Убери!» В конце июня я положил покойника в мешок, завязал веревкой, пошел, взял извозчика и ночью поехал окольной дорогой за город на реку Шаграш. Бросил там мешок и возвратился... Потом вскорости слышу, что нашли покойника. Полиция пришла и взяла с меня расписку о невыезде... Я сказал хозяину. Он говорит: «Ты поди в полицию и скажи, что у тебя просрочен паспорт, чтоб они отпустили тебя». Полиция не отпустила. Тогда я сам ушел домой... Но тут меня арестовали и представили в стан. Я и открылся, что я убил...»

Вот показание главного действующего лица, которое мы привели от слова до слова.

Здесь все в высшей степени любопытно и поучительно; Поучительно то, что хозяин, который, как видно из показания, был душой всей этой операции, признан виновным не «в подстрекательстве с корыстной целью», а только «в знании и укрывательстве». Любопытна и поучительна фигура и этого блюстителя порядка – околоточного, который, помня трактирную хлеб-соль и «все такое», *стыдится* осматривать номера, где совершено это убийство – убийство, которое он несомненно чуял и, может быть, даже знал о нем наверное, так как это знание или догадка – только одно и могло заставить его *«постыдиться»*, смотреть сквозь пальцы, помня хлеб-соль *«и все такое»*. В то же время, принимая во внимание так называемые «нонешние времена», невольно представляешь себе, как много развелось теперь таких блюстителей, которые, выпивая в гостинице, где над головой выпивающих «и все такое» полгода лежит и гниет убитый человек, которого они «стыдятся» разыскать, наверное не упускают случая высматривать «неблагонадежных личностей» и, заметив таковых (а приметы в этом отношении годятся всякие, какие только взбредут в голову), не только не постыдятся, а прямо без разговоров «сгребут» и заточат... Ведь вот «сгреб» же один блюститель мирного сельского жителя за роман Шпильгагена¹ – сгреб и засадил, не зная и не имея понятия о том, что значат слова: «роман», «Шпильгаген», «Вперед». Сгреб же другой такой-то блюститель сельского учителя, который сидел на вокзале в провинции, ожидая поезда, и читал брошюру «О дезинфекции» сочинения Нечаева². Что такое «дезинфекция» – это блюстителю знать не полагается. *Тот ли* это Нечаев или другой – тоже можно и не знать. Но мелькнуло ему в голову слово «Нечаев» и – «сгреб»! Везде теперь только и слышишь: «сгреб» да «сгреб», или «чуть не сгреб», или «да и сгреб бы, а то что же?.. И ей-богу бы сгреб»... И все эти сгребанья всегда почти оказы-

¹ *Роман Шпильгагена*. – Имеется в виду роман немецкого писателя-реалиста Ф. Шпильгагена (1829–1911) «Все вперед» (1872). Описываемый Успенским полицейский «блюститель» принял этот роман за нелегальную народническую газету «Вперед», издававшуюся в Лондоне П. Л. Лавровым в 1875–1876 годах.

² *Нечаев*, – Комизм описываемого Успенским эпизода в том, что полицейский принял санитарную брошюру за сочинение анархиста-заговорщика, бакуниста С. Г. Нечаева (1847–1882). Имя последнего приобрело широкую известность благодаря так называемому «нечаевскому делу», которым царское правительство воспользовалось для борьбы с революционным движением.

ваются вполне нелепыми и неосновательными; но нелепости и отсутствие всяких оснований не запрещают «сгрести» и не заставляют стыдиться несправедливой жестокости и безобразия, а осмотреть номера, в которых пропал и убит человек, – «стыдно», потому хлеб-соль и «все такое»...

Но всего замечательнее в этом процессе – это, разумеется, личность самого убийцы – несчастнейшего Ивана Горюнова. Воистину недаром судьба наделила его таким именем и фамилией. «Господин» «приказал» прибить в номере задвижку. Иван Горюнов взял молоток и исполнил приказание, а утром через несколько часов исполнил этим же молотком другое почти приказание хозяина – убил этого самого господина. За час, за несколько мгновений до убийства, у него и мысли не было об убийстве; сторублевая бумажка ставит его в недоумение: «как же теперь быть?» Ему говорят – как, и он делается убийцей, он бьет молотком господина по голове с таким же точно покорным настроением «слуги», как бы подавал на стол порцию селянки или прибывал задвижку. «Как же тут быть?» – говорит он, и вы видите, что если б ему было сказано, как быть: «возьми да отдай сдачу», – так он бы и не был убийцей и отдал бы сдачу. Зачем он убивает – неизвестно. Деньги он отдал хозяину, а сам получил немного мелочи. Ему когда-то сказали: «Дурак будешь» – и он думал, что не дурак ли он в самом деле. Сам он не знает доподлинно, глупо или умно грабить и убивать, и потому спрашивает у «хозяина»: «Как же теперь быть?» Он, *сам лично*, действительно не имеет понятия о том, что умно, что глупо, кто дурак, кто умен, что хорошо, что дурно. Выслушав его рассказ о том, как барин подарил ему золотые часы и двадцать восемь рублей денег, хозяин говорит ему: «Дурак будешь, если так станешь жить – так помрешь бедняком». И он думает, что он дурак, – думает так, как ему сказано; так, как побуждает думать его и поступать постороннее влияние, чужое приказание, чужая воля: «прибей задвижку» – прибил, «убей барина» – убил, и одним и тем же молотком, без малейшей тени собственной своей мысли и собственной своей воли. Ведь если б он «сам» мог думать, понимать и соображать, то есть если б он сам имел какой-нибудь взгляд на человеческие отношения, так ведь случай с барином, который щедро наградил его, должен бы был убедить его как раз в противном тому, что говорил хозяин: за честность и добросовестность он *на деле*, на факте самом реальном, самом ощутительном оказался не только не в дураках, но прямо в умниках. За то, что он не ограбил, не украл, а берег и смотрел, чтобы не обокрали барина, он получил сравнительно огромное вознаграждение – золотые часы и двадцать восемь рублей денег. Кажется, если бы человек мог и имел бы привычку самостоятельно думать о чем-нибудь, этого случая было бы для него весьма достаточно, чтоб убедиться, что хорошие и добросовестные поступки не пропадают бесследно: результат налицо – золотые часы и деньги... Но он не умеет думать сам и потому убивает бескорыстно, без всякой выгоды, отдав деньги хозяину, а сам получает немного «мелочи»...

Вот эти-то черты нравственности Ивана Горюнова и потрясают вас самым угнетающим образом. Как бы внимательно ни всматривались вы в душу этого человека, вы не можете ответить мало-мальски утвердительно ни на один из вопросов, которые должны возникнуть при этом в вашем сознании. Жаден ли он? – Нет: деньги отдал хозяину... – Жесток? – Ничуть: он убил не подумавши, не задумываясь, а так, как прибил задвижку, и потом сам же плачет и терзается над трупом втихомолку по ночам... – Скрытен, хитер и злобен? – Опять нет: ведь он «побожился», что не утаил денег, а все сполна отдал хозяину; он – не обманщик... Добровольно, когда мало-мальски проясняется ум, он хочет идти в полицию – объявить, но ему опять говорят: «дурак будешь» – и он не идет. Послушание его примерное. Его награждают за честность; но ему говорят, что бесчестно поступать лучше, – и он верит вопреки фактам, доказывающим противное. Ему говорят: «прибей задвижку» – прибил; «убей» – убил. Затем полгода труп лежит в чулане, лежит до тех пор, пока хозяин не сказал: «Убери!» – и Иван убрал. Словом, Иван Горюнов весь чужой, человек постороннего влияния, чужого приказания, даже чужого желанья. *Своего* по части убеждений и нравственности у него ничего нет – хоть шаром

покажи. Это совершенно пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно. Не попади он в такой темный притон, можете ли вы сказать, что он сделал бы что-нибудь подобное тому, что его принудили сделать? Был ли бы он убийцей, если бы «попал» вместо трактира в столяры, в сапожники, в кучера к хорошему барину, в лавочники, в хлебопеки?.. Наконец, если бы попал даже опять-таки в трактир же, только не в такой вертеп, как «Вологда», а такой, где все честно и благородно?.. Ни на один из этих вопросов вы не можете отвечать утвердительно, потому что перед вами человек, внутренний мир которого, как траву, как тонкую ветку, колеблют внешние дувения, дыхание чуждых ему, со стороны идущих, влияний, – человек, который покоряется всему, на что его «бог нанесет», – всему, что волею судеб «набежит» на него...

А ведь таких Иванов Горюновых уже в настоящее время можно считать на Руси сотнями тысяч, а в будущем, если только народная жизнь будет так же, как и до сих пор, оставаться в условиях царствующей и в ней и вне ее неурядицы, – Иванов Горюновых будет тьма, тьмы тем, тьмы тем пролетариата, выброшенного расстройством деревенского быта и духа, готового подчиниться в чуждой ему среде всевозможным влияниям с наивностью ребенка, не имеющего возможности знать и понимать, что в этих влияниях зло, что добро, – словом, пролетариата, который с наивностью ребенка может одним и тем же молотком и одной и той же рукой прибить задвижку по приказанию «гостя» и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанию и наставлению.

Отчего же это происходит?

Вероятно не раз, а миллионы и миллионы раз тот же вопрос, только примененный к самому себе и к своей ужасной истории, задавал и задает Иван Горюнов, задавали и задают сотни других Иванов Горюновых. Сидя в слезах и тоске за железную решетку тюрьмы или на пароходе-клетке, перевозящей арестантов и осужденных в сибирские тюрьмы и рудники, Иван Горюнов и ему подобные мучительно ломают уже погибшие головы свои над этими вопросами: как, и зачем, и отчего? – и, ничего не понимая, но только ужасаясь и недоумевая, невольно переносятся мыслью в родную деревню и инстинктивно ищут здесь, в ней, в условиях ее современной жизни – корни и основание всему, что случилось потом. Оплакав утраченное спокойствие и целомудренность деревенской жизни, оплакав утраченную возможность жить как люди, работать, играть свадьбу, пить вино на праздниках и т. д. и дорываясь до корня своего огромного горя, своих огромных утрат, вековечных, на всю жизнь, – всякий такой Иван Горюнов непременно найдет в самой глубине, на самом дне своих бед, какую-нибудь деревенскую «случайность», благодаря которой человек должен был оторваться от дома, от деревни и идти в неведомый мир, плыть без кормила и весла... Непременно в корне корней окажется какое-нибудь на наш взгляд ничтожное обстоятельство, от которого и вышло потом все, вплоть до конца, до Сибири и каторги. «Не случись» того-то или того-то в деревне, в хозяйстве – и не надо было бы уходить оттуда и отдавать себя на волю непонятных влияний, непонятных условий жизни. Не случись, что умер отец или брат, не случись, что пала лошадь, не случись, что старшая сестра сломала ногу и пролежала год больная, не случись падежа, неурожая, засухи – и не было бы тысячи случайностей, которые потом захватили человека и стали им вертеть по-своему, как *им* угодно.

Этих случайностей, иногда ничтожных, как пылинки, никогда не тяготело над крестьянской жизнью так много, как теперь. Земледельческий труд, весь, сполна находящийся во власти велений природы, сам по себе уже таит в этих велениях и прихотях природы неисчерпаемый источник случайностей. В успехе или неуспехе этого труда – следовательно, в благосостоянии и нравственном равновесии или в разорении и нравственном падении крестьян играют важную роль не только такие пособники труда, как животные, скот, не только своя личная сила, свое здоровье и т. д., но даже самые ничтожнейшие атмосферные явления – направление и сила ветра (обил хлеб и т. п.), сила и время дождя, засухи и т. д. и т. д. без конца. Все это может ошастливить, все это может и разорить. Все эти случайности необходимо иметь в виду. А их

в настоящее время столько развелось, что вся современная жизнь деревни зависит именно от этих случайностей – и стихийных и всяких других, неизвестно почему скопившихся над деревней как нарочно в такое время, когда она не в силах противопоставить ни «кузьке», ни «мгле», ни «красному петуху» ничего, кроме отчаянного вопля и бесцельного бегства «на сторону».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.